

The background of the cover is a photograph of a snowy forest at night. In the foreground, a large, gnarled tree is heavily covered in snow. In the background, a line of evergreen trees is visible under a dark sky with a vibrant green aurora borealis. The text is overlaid on a dark blue horizontal band.

СЕВЕР & РЫНОК

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ 5/2018

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Российская Академия Наук
КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина

5/2018 (61)
основан в 1998 г.

& СЕВЕР
НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
РЫНОК
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

Апатиты
2018

СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка № 5 (61) 2018

Научно-информационный журнал
Основан в 1998 году
чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 4 раза в год.

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

ISSN 2220-802X

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73721 от 21.09.2018

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Редакционная коллегия:

к. э. н., доц. Башмакова Е. П.;
к. э. н. Березиков С. А.;
д. э. н., проф. Васильев А. М.;
к. э. н., доц. Залкинд Л. О.;
к. э. н. Иванова Л. В.;
к. э. н., доц. Кобылинская Г. В.;
к. э. н., доц. Кондратович Д. Л.;
д. э. н., проф. Козьменко С. Ю.;
Павлова С. А. (отв. секретарь);
к. э. н., доц. Рябова Л. А.;
д. э. н., проф. Скуфына Т. П. (зам. главного редактора);
к. э. н., доц. Торопушина Е. Е.;
к. э. н., доц. Ульянов М. В.;
д. э. н. Федосеев С. В. (главный редактор);
д. э. н., проф. Храпов В. Е.;
к. т. н., доц. Цукерман В. А.;
д. э. н., проф. Череповицын А. Е.

Ответственный редактор номера — к. э. н., доц. Башмакова Е. П.

Фото на обложке — В. Ю. Жиганов

Адрес редакции: 184209, г. Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

Адрес учредителя, издателя и типографии: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук», 184209, г. Апатиты, Мурманская обл., ул. Ферсмана, 14

С требованиями к авторам статей и редакционной политикой журнала, а также с архивом номеров можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://www.iep.kolasc.net.ru/journal/>.

Позиция редакции необязательно совпадает с мнением автора.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) с 6 июня 2017 года по группе научных специальностей 08.00.00 «Экономические науки».

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

© Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина, 2018
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр РАН», 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айлин Эспириту, доктор политических наук, научный сотрудник Баренц-института Арктического университета Норвегии (Киркенес, Норвегия)

Акулов Владимир Борисович, доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, зав. кафедрой экономической теории и менеджмента Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Кривовичев Сергей Владимирович, член-корреспондент РАН, Председатель ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Россия)

Лаженцев Виталий Николаевич, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера КомиНЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ласси Хейнинен, доктор политических наук, профессор Университета Лапландии (Рованиemi, Финляндия)

Ларичкин Федор Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Россия)

Марит Ауре, доктор политических наук, Центр гендерных исследований при Арктическом университете Тромсё, старший научный сотрудник Северного научно-исследовательского института (Norut; Тромсё, Норвегия)

Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, заместитель Председателя ФИЦ «Кольский научный центр РАН» по научной работе (Апатиты, Россия)

Мешалкин Валерий Павлович, академик РАН, директор Международного института логистики ресурсосбережения и технологической инноватики (НОЦ) Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева, зав. кафедрой логистики и экономической информатики (Москва, Россия)

Моника Теннберг, доктор социальных наук, профессор Арктик-центра Университета Лапландии (Рованиemi, Финляндия)

Николаев Анатолий Иванович, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья им. И. В. Тананаева ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Россия)

Павлов Константин Викторович, доктор экономических наук, профессор Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова (Ижевск, Россия)

Пилисов Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор, генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга», председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки, председатель социально-экономической секции Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ (Москва, Россия)

Расмус Оле Расмуссен, доктор географических наук, старший научный сотрудник Северного центра пространственных исследований Nordregio (Стокгольм, Швеция)

Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Фруде Нильсен, доктор экономических наук, профессор Высшей школы бизнеса Университета Нурланда (Буде, Норвегия)

Шихвердиев Ариф Пирвелиевич, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, зав. кафедрой экономической теории и корпоративного управления Сыктывкарского государственного университета (Сыктывкар, Россия)

Швецов Александр Николаевич, доктор экономических наук, заместитель директора Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (Москва, Россия)

Шпак Алла Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, первый заместитель министра экономического развития Мурманской области

Научное издание

Редактор С. А. Шарам
Технический редактор В. Ю. Жиганов
Подписано к печати 28.11.2018. Формат 60х84 1/8.
Дата выхода в свет 20.03.2019
Усл. печ. л. 22. Тираж 300 экз. Заказ № 42.
ФГБУН ФИЦ «КНЦ РАН»
Цена свободная

184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
naukaprint.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РФ

Лаженцев В. Н. Концепции и реальность социально-экономического развития северных территорий России.....	4
Торопушина Е. Е. Социальная инфраструктура как фактор саморазвития территории российской Арктики.....	14
Смирнов А. В., Лыткина У. В. Демографические индикаторы и сценарии в стратегическом планировании Севера России.....	23
Пилясов А. Н. Арктическая диагностика: плох не метр — явление другое.....	35
Акулов В. Б. О системе национальных счетов, брексите и производстве общественных благ на Севере.....	55

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Череповицын А. Е., Цветков П. С. Экономическая оценка проектов CCS-EOR на примере месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа.....	62
Николаев А. И., Пак А. А., Сухорукова Р. Н. Мониторинг состояния строительных объектов и материалов, эксплуатируемых в Мурманской области.....	72
Котомин А. Б. Оценка влияния санкций США и стран ЕС на деятельность основных российских нефтегазовых компаний в АЗРФ и на шельфе арктических морей.....	80

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ

Чайка Л. В. Оценка региональной энергоэффективности методом DATA ENVELOPMENT ANALYSIS.....	93
Гасникова А. А. Анализ факторов, определяющих организацию энергообеспечения потребителей в северных и арктических регионах России.....	101
Васильев А. М. Экономика и управление поставками и торговлей рыбой.....	110
Щербакова (Пономарева) А. С. Рейтинговая оценка качества почвы сельскохозяйственных угодий (на примере Республики Коми).....	120
Марецкая В. Н., Марецкая А. Ю. К вопросу о социально-экономическом развитии сельских территорий Мурманской области.....	131

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Терентьева М. А. Оценка предпринимательского потенциала населения регионов Европейского Севера России с позиции теории поколений.....	145
Печенская М. А. Потенциал местных бюджетов Европейского Севера России: теоретические и методические аспекты.....	155
Тихонова Т. В. Оценка экосистемных услуг сельских территорий Республики Коми.....	167
Победоносцева В. В., Победоносцева Г. М. Особенности экономического развития северных территорий России в условиях глобализации.....	180

8. Bochko V. S. Primeneniye metoda samoidentifikatsii territorii dlya yeye analiza i otsenki perspektiv razvitiya [Application of the territory's self-identification method for the analysis and evaluation of development prospects]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2011, No. 3, pp. 9–18 (In Russ.).
9. Christenson J. A. and Robinson J. W. Community Development in Perspective. Ames (IA): Iowa State University Press, 1989, p. 13.
10. Borodin V. A. Povysheniye potentsiala samorazvitiya regionov Sibirskogo federal'nogo okruga [Increasing the self-development potential of SFO's regions]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2012, No. 1 (29), pp. 83–89 (In Russ.).
11. Filippis J. De, Saegert S. The Community Development Reader. New York and London: Routledge, 2012. Available at: <https://www.book2look.com/embed/9781135705237> (accessed 29.06.2018)
12. Shumpeter Y. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya [The economic development theory]. Moscow, Publ. Progress, 1995 (In Russ.).
13. Sotsialno-ekonomicheskaya problematika Rossiyskoy Arktiki v issledovaniyakh institutov Rossiyskoy akademii nauk: istoriya, sovremennost', perspektivy [Socio-economic problems of the Russian Arctic in research institutes of the Russian Academy of Sciences: history, modernity, perspectives]. Moscow, Publ. Scientific Consultant, 2018, 802 p. (In Russ.).
14. Zakharchuk E.A., Pasyukov A.F., Nekrasov A.A. Klassifikatsiya regionov po kriteriyam samorazvitiya [Classification of regions by the criteria of self-development]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2011, No. 3 (27), pp. 54–63. (In Russ.).
15. Tatarkin A. I., Krivenko N. V., Kuznetsova N. L. Dialektika ratsional'nogo upravleniya izmeneniyami v regional'nykh sotsial'nykh sistemakh [Dialectics of Rational Change Management in Regional Social Systems]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, No. 2, pp. 125–137 (In Russ.).
16. Ukaz Prezidenta RF ot 2 maya 2014 g. No. 296 «O sukhoputnykh territoriyakh Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the President of the RF “On Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation” No. 296 of May 02, 2014]. (In Russ.). Available at: ref.-legal system “ConsultantPlus” (accessed 14.06.2018).
17. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 30.06.2018).
18. Toropushina E. E. Otsenka urovnya razvitiya sotsial'noy infrastruktury v regionakh Severa i Arktiki Rossii [Estimation of the Social Infrastructure Development in the North and the Arctic of Russia]. *EKO* [ECO], 2016, No. 6 (504), pp. 99–108 (In Russ.).
19. Toropushina E. E. Sotsial'naya infrastruktura arkticheskikh regionov [The Social Infrastructure of the Arctic Regions]. *EKO* [ECO], 2009, No. 8, pp. 120–135 (In Russ.).
20. Available at: <http://arctic.labourmarket.ru> (accessed 30.06.2018).

DOI 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.23-35

УДК 314.15

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ И СЦЕНАРИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ СЕВЕРА РОССИИ⁷

А. В. Смирнов

кандидат экономических наук, научный сотрудник

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

У. В. Лыткина

главный эксперт

Государственное учреждение Республики Коми

«Центр поддержки развития экономики Республики Коми», г. Сыктывкар

Аннотация. В статье поставлена цель разработать предложения по совершенствованию системы индикаторов и сценариев демографического развития в стратегическом планировании Севера России. Объектом исследования стали 112 стратегических документов. Рассмотрен опыт использования демографических целевых индикаторов в стратегиях от муниципального до федерального уровня. Предложен методический подход к сравнению степени согласованности и амбициозности целевых установок стратегических документов разных уровней на основе статистического анализа целевого среднегодового прироста значений целевых индикаторов.

⁷ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (2019–2021 гг., № АААА-А19-119012190103-0).

С помощью контент-анализа стратегий различных уровней и сравнения их целевых установок по повышению продолжительности жизни выявлены недостатки сложившейся в России системы стратегического демографического планирования: несопоставимость целевых индикаторов, несогласованность их значений и сроков достижения.

Предложен и обоснован минимальный набор демографических индикаторов для стратегий социально-экономического развития северных регионов: общая численность населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, коэффициент миграционного прироста и коэффициент младенческой смертности. Составлен перечень дополнительных индикаторов, которые могут применяться для решения отдельных наиболее острых проблем демографического развития Севера. Приведены примеры лучших практик реализации демографических аспектов в стратегическом планировании. Результаты исследования могут найти применение в практике разработки стратегий социально-экономического развития, а также в исследованиях систем стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, демография, индикаторы, сценарии, стратегии, Север России.

DEMOGRAPHIC INDICATORS AND SCENARIOS IN STRATEGIC PLANNING OF THE RUSSIAN NORTH

A. V. Smirnov

PhD (Econ.), Researcher

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North,

Federal Research Center “Komi Science Centre, Ural Branch, RAS”, Syktyvkar, Russia

U. V. Lytkina

Chief Expert

State Institution of the Republic of Komi

“Centre for Support to Economic Development of the Republic of Komi”, Syktyvkar

Abstract. The article aims to develop proposals for improving the system of indicators and scenarios of demographic development in the strategic planning of the North of Russia. 112 strategic documents were the object of the study. The experience of using demographic target indicators in strategies from the municipal to the federal level is considered. A methodical approach is proposed to compare the degree of consistency and ambitiousness of the targets of strategic documents of different levels on the basis of a statistical analysis of the target average annual increase in the values of the target indicators. Using the content analysis of various levels of strategies and a comparison of their targets for increasing life expectancy, the shortcomings of the current system of strategic demographic planning in Russia were revealed: incompatibility of target indicators, inconsistency of their values and dates of achievement.

A minimum set of demographic indicators for the strategies of social and economic development of the northern regions was proposed and substantiated: total population, total fertility rate, life expectancy at birth, migration growth rate, and infant mortality rate. A list of additional indicators has been compiled that can be applied to solve some of the most acute problems of the demographic development of the North. Examples of the best practices for the implementation of demographic aspects in strategic planning are given. The results of the study can be applied in the practice of developing strategies for socio-economic development, as well as in studies of strategic planning systems.

Keywords: strategic planning, demography, indicators, scenarios, strategies, the North of Russia.

Актуальность исследования

Демографическая ситуация в северных регионах России характеризуется рядом проблем, среди которых неравномерность пространственного развития, низкая продолжительность жизни, естественная убыль населения и миграционный отток из ряда важных для экономики территорий. В связи с остротой проблем в системе стратегического планирования России необходимо уделить особое внимание управлению демографическим развитием Севера. Цель статьи состоит в разработке предложений по совершенствованию системы индикаторов и сценариев демографического развития в стратегическом планировании северных регионов России.

Главным нормативно-правовым актом, регламентирующим стратегическое планирование в России, является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Он устанавливает правовые основы стратегического планирования, регламентирует полномочия и координацию разных уровней стратегического управления: федерального, субъектов РФ и муниципального. Количество публикаций о стратегическом планировании в России после принятия закона и ряда основополагающих стратегических документов увеличилось многократно. В научных работах отмечались недостатки разрабатываемых

стратегических документов: применение устаревших методических приемов, слабое использование современных информационных технологий [1, с. 8], отсутствие действенной системы мониторинга эффективности [2, с. 32] и др.

Рассматривалась иерархия документов стратегического планирования [3, с. 23–25]. Тем не менее, работ, которые ставили бы своей целью анализ содержания всей системы стратегических документов России, недостаточно. Имеются публикации с анализом горизонтов планирования стратегий на уровне субъектов РФ и количества внесенных в них корректировок [4], но за рамками исследований остались целевые установки регионов. Кроме того, большинство публикаций ограничивается анализом стратегических документов только одного уровня управления, чаще всего федерального [5] или уровня субъектов РФ [4].

В данной статье основным предметом анализа стали демографические целевые индикаторы и сценарии в стратегиях социально-экономического развития. Под целевыми индикаторами (целевыми показателями) понимаются количественные или качественные показатели, характеризующие реализацию целей стратегических документов. Место индикаторов в системе стратегического планирования схематически представлено на рис. 1. Индикаторы связывают целеполагание с реализацией стратегических документов при помощи контроля и корректировок целевых значений.

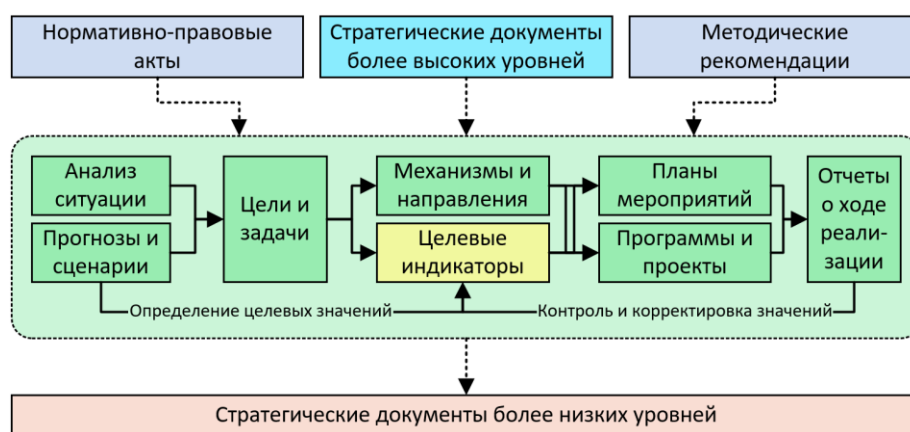

Рис. 1. Место целевых индикаторов в системе стратегического планирования.
Составлено авторами

Целевые значения индикаторов определяются на основе долгосрочных прогнозов социально-экономического развития. В большинстве случаев разрабатывается несколько сценарных вариантов. Инерционные (или консервативные) сценарии показывают, какими будут демографические изменения в том случае, если стратегические мероприятия не будут реализованы. Целевые (или базовые) сценарии отражают ту демографическую ситуацию, к которой стремится территория. Оптимистичные сценарии характеризуют самые благоприятные демографические перспективы. Наибольший интерес представляют целевые сценарии, так как именно они применяются при контроле достижения целевых установок стратегий. Они количественно описывают ожидаемые результаты от реализации стратегий и стратегическое видение территории.

Исследования показывают, что влияние целеполагания на эффективность государственных организаций и органов власти может быть очень существенным [6]. Разработаны критерии для определения подходящих индикаторов достижения целей [7]. Среди демографических наиболее исследованы индикаторы смертности и продолжительности жизни [8]. Свои системы индикаторов различных сфер социальной жизни, включая демографические процессы, разработаны многими международными организациями (ООН, ОЭСР, Всемирный банк и другие [9]). Однако в научных публикациях не нашли широкого отражения вопросы разработки комплексных систем демографических индикаторов в стратегическом управлении.

Проблема разрозненности системы стратегического планирования России отмечена в научных публикациях, но преимущественно без количественных оценок степени несогласованности. «Отсутствие единых подходов к методам прогнозирования и ясных положений по увязке прогнозных, целевых, программных и плановых показателей и индикаторов приводит к неоправданным в масштабах государства затратам и не гарантированному качеству всей системы» [10, с. 47].

«Разработано множество документов стратегического планирования, часть из которых не согласована друг с другом и не обновлялась с момента утверждения» [11, с. 36]. «Стратегии федеральных округов и отдельных территорий не вписаны в систему документов, увязанных с формированием программ и прогнозов в стране, а как следствие — они не влияют на бюджетный процесс и систему принятия стратегических решений в Российской Федерации» [12, с. 183]. Вместе с тем, отмечается, что в практике разработки региональных демографических концепций распространено механическое перенесение положений федеральных документов без учета местной специфики: «Нужны другие содержательные оценки, учитывающие исторические, геополитические, природно-географические и иные особенности» [13].

Исходя из этого нам представляется уместным разработка минимального набора индикаторов для стратегических документов, который бы отражал наиболее важные демографические характеристики развития территорий Севера, что позволит согласовать целевые установки стратегий различных уровней. При реализации стратегических документов этот набор должен дополняться индикаторами, способствующими решению наиболее острых задач, характерных для конкретной территории. Таким образом будут одновременно решены две проблемы — несогласованность сценариев разных уровней управления и отсутствие учета территориальной специфики.

Анализ стратегических документов

Основным исследовательским методом исследования стал контент-анализ (анализ содержания) стратегических документов. Информационную базу исследования составили 112 документов стратегического планирования. Это 8 федеральных документов (4 стратегии и 3 концепции и 1 указ), стратегии 8 федеральных округов, 85 субъектов РФ, а также 11 городов с численностью населения более одного миллиона человек. Особое внимание уделялось стратегиям северных субъектов РФ. В некоторых регионах анализировались проекты стратегий, находящиеся на завершающей стадии разработки. Источником текстов стратегий послужили официальные сайты органов государственной власти, субъектов РФ, городов и сайт ГАИС Управление⁸.

Подробно рассмотрим документы федерального уровня. Вплоть до принятия находящейся в разработке *Стратегии развития России до 2035 года*⁹ важнейшим стратегическим документом федерального уровня будет оставаться *Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года*, утвержденная в 2008 г. В числе ее ожидаемых результатов названо «преодоление негативных демографических тенденций, стабилизация численности населения и создание условий для ее роста». Из демографических индикаторов в концепции содержатся общая численность населения и ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ): «Необходимо обеспечить стабилизацию численности населения на уровне не ниже 142–143 млн чел. к 2015 г. и создание условий для повышения к 2025 г. численности населения до 145 млн чел. и средней продолжительности жизни до 75 лет».

Другой важнейший стратегический документ, посвященный решению демографических проблем — Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная в 2007 г. Перечень демографических индикаторов документа обширен: численность населения («стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн чел. и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн чел.»), ОПЖ (70 лет в 2015 г. и 75 лет в 2025 г.), суммарный коэффициент рождаемости (увеличение в 1,5 раза), уровень смертности («сокращение не менее чем в 1,6 раза, прежде всего в трудоспособном возрасте от внешних причин»), уровень материнской и младенческой смертности (сокращение не менее чем в 2 раза), миграционный прирост (более 300 тыс. чел. ежегодно).

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 г.) ставятся наиболее амбициозные цели: повышение ОПЖ к 2024 г. до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; обеспечение устойчивого естественного роста численности населения; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от различных причин;

⁸ URL: <http://gasu.gov.ru/stratdocuments?docLevel=2&docType=105&docType=406>.

⁹ URL: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035/>.

снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза по сравнению с 2017 г. — до уровня, не превышающего 4 чел. на 100 тыс. населения (к 2030 г. — стремление к нулевому уровню смертности).

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная в конце 2015 г., среди национальных интересов включает «обеспечение стабильного демографического развития страны», а одна из ее стратегических целей — увеличение продолжительности жизни. Единственный демографический индикатор стратегии — ОПЖ. В 2017 г. была утверждена Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. Единственный ее целевой демографический индикатор отражает возрастной состав населения — доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения. Он важен потому, что дальнейшее снижение приведет к росту демографической нагрузки и, как следствие, к увеличению экономических рисков. В обеих стратегиях не представлены целевые значения индикаторов.

Стратегия устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. ставит целью «обеспечение стабилизации численности сельского населения и создание условий для его роста за счет снижения смертности, увеличения ОПЖ, уменьшения миграционного оттока населения». Она включает три демографических индикатора. Стратегия предполагает в период с 2013 по 2030 гг. сокращение численности сельского населения с 37,2 до 35,0 млн чел. и его стабилизацию на этом уровне, рост ОПЖ сельского населения с 69,2 до 75,5 лет и снижение миграционной убыли сельского населения со 176,8 до 74,1 тыс. чел.

Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ предполагает к 2015 г. рост продолжительности жизни малочисленных народов, увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 1,3 раза по сравнению с 2007 г. и снижение младенческой смертности в 1,5 раза к 2007 г. (к 2025 г. — в 2 раза).

Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г., принятая в 2009 г., содержит два демографических индикатора: коэффициент естественного прироста населения Арктической зоны РФ и увеличение ОПЖ коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, проживающих на территории Арктической зоны РФ. Целевые значения индикаторов в тексте стратегии не приводятся.

Находится в разработке Стратегия пространственного развития России, которая будет определять перспективную систему расселения на основе агломераций, опорных центров и городов вахтового-экспедиционного типа. В ней будут определены макрорегионы, для которых тоже могут разрабатываться отдельные стратегии. Разработаны стратегии Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Южного федеральных округов и Сибири до 2020 г., а также стратегии Северо-Кавказского федерального округа, Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.

На региональном уровне были рассмотрены стратегии всех субъектов РФ. В 2016 г. были опубликованы Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития субъекта РФ и плана мероприятий по ее реализации. В примерный перечень показателей для включения в разделы стратегии вошли индикаторы: численность населения, ОПЖ, общие коэффициенты рождаемости и смертности, коэффициент миграционного прироста, коэффициент демографической нагрузки, число муниципальных образований, плотность населения, удельный вес городского и сельского населения.

Проанализированы и стратегии «городов-миллионеров»: Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань, Челябинск, Омск, Самара, Ростов-на-Дону, Пермь, Воронеж и Волгоград. Стратегические документы крупнейших городов формально относятся к стратегиям муниципального уровня планирования. Однако ввиду своего масштаба представляют исследовательский интерес. Анализ целевых индикаторов стратегических документов всех уровней обобщен в табл. 1.

Лишь два целевых индикатора встречаются более чем в половине стратегических документов. Это ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) и общая численность населения. Причем показатель продолжительности жизни лидирует с большим отрывом. В 18–34 % стратегий содержатся показатели: коэффициент младенческой смертности, общий коэффициент смертности (ОКС), коэффициенты естественного прироста и миграционного прироста, общий коэффициент рождаемости (ОКР) и суммарный коэффициент рождаемости (СКР). В 10 % стратегий используются те или иные индикаторы смертности по различным причинам. Это болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования, туберкулез, внешние причины смерти, дорожно-транспортные происшествия и другие причины. В 7–9 % стратегий содержатся индикаторы: смертность в трудоспособном возрасте и коэффициент материнской смертности. В единичных случаях в стратегиях используются такие индикаторы, как коэффициент жизненности, индекс долголетия,

индекс здоровья населения (по методике Всероссийского центра уровня жизни), число аборт, коэффициенты брачности и разводимости, доля населения трудоспособного возраста, индекс человеческого развития.

Таблица 1

Результаты контент-анализа стратегических документов России

Индикатор	Применяется в стратегиях, единиц	в том числе по уровням			
		федеральный	федеральных округов	субъектов РФ	городов от 1 млн жит.
Ожидаемая продолжительность жизни	77	6	6	59	6
Общая численность населения	57	3	2	46	6
Коэффициент младенческой смертности	38	3	5	26	4
Общий коэффициент смертности	35	1	2	28	4
Коэффициент естественного прироста	28	1	5	19	3
Коэффициент миграционного прироста	27	2	3	17	5
Общий коэффициент рождаемости	25	0	1	21	4
Суммарный коэффициент рождаемости	20	3	4	13	0
Смертность по различным причинам	11	1	0	10	0
Смертность в трудоспособном возрасте	10	1	0	8	1
Коэффициент материнской смертности	8	1	1	5	1
<i>Рассмотрено стратегий</i>	<i>112</i>	<i>6</i>	<i>8</i>	<i>85</i>	<i>11</i>

Примечание. Составлено по текстам стратегий с официальных сайтов субъектов РФ и ГАИС «Управление».

Продолжительность жизни лидирует на всех уровнях стратегического планирования. Порядок других индикаторов различается. На федеральном, региональном и городском уровнях находит широкое применение индикатор «общая численность населения». На уровне федеральных округов распространены коэффициенты младенческой смертности и естественного прироста. На уровне городов часто используется коэффициент миграционного прироста. В регионах, территории которых входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, также лидируют ОПЖ и численность населения (табл. 2). Несмотря на остроту миграционных проблем, показатели миграции применяются лишь в двух стратегиях.

Таблица 2

Результаты контент-анализа стратегий регионов Севера

Субъект РФ	Индикаторы стратегий							
	ОПЖ	численность населения	младенч. смертность	естеств. прирост	ОКР	ОКС	СКР	миграц. прирост
Северные субъекты РФ	10	9	5	5	5	5	4	2
Республика Карелия	+	+	+	+				
Республика Коми	+		+			+	+	
Архангельская обл.								
Ненецкий АО		+						
Мурманская обл.	+	+	+			+		
Ханты-Мансийский АО	+	+			+	+		
Ямало-Ненецкий АО	+	+		+	+			
Республика Тыва	+	+						
Республика Саха	+	+		+			+	+
Камчатский край	+	+			+	+		
Магаданская обл.	+	+	+	+	+	+	+	
Сахалинская обл.	+		+	+	+		+	+
Чукотский АО								

Примечание. Составлено по текстам стратегий с официальных сайтов субъектов РФ и ГАИС «Управление».

В целом можно сделать вывод о том, что не существует даже минимального набора индикаторов, который бы применялся в подавляющем большинстве стратегических документов. Методические рекомендации для субъектов РФ были опубликованы только в 2016 г. и не содержат многих важных показателей (например, суммарного коэффициента рождаемости и младенческой смертности), а многие из рекомендуемых в документе показателей взаимозаменяемы. В такой ситуации сопоставление стратегических установок различных субъектов и уровней планирования вызывает трудности, что отрицательно сказывается на качестве системы стратегического планирования. В условиях высокой разрозненности целевых индикаторов сложно выработать механизмы координации и контроля реализации стратегий.

Анализ целевых установок стратегий

Несопоставимы не только наборы индикаторов, но и горизонты планирования стратегий. На 2017 г. 36 стратегий разработаны до 2020 г., 29 — до 2025 г. и 39 — до 2030 г. Есть стратегии и с более экзотическими горизонтами планирования: 2022, 2026, 2028 и 2034 гг. В ближайшее время большинство новых стратегий будет нацелено на 2035 г. в связи с разработкой федеральной стратегии. Средний горизонт планирования стратегий составляет 15,0 лет. Произвольный выбор регионами сроков реализации стратегий делает систему стратегического планирования менее цельной, затрудняет сопоставление задач и результатов.

Оценим амбициозность и достижимость стратегий при помощи показателя среднегодового целевого прироста ОПЖ при рождении, под которым будем понимать отношение между разностью целевого и базового значений показателя ОПЖ и горизонтом планирования в годах. Показатель отражает среднегодовое увеличение показателя ОПЖ, при котором поставленная в стратегическом документе цель будет успешно достигнута.

Показатель ОПЖ в качестве базового для сравнения стратегий выбран по трем причинам. Во-первых, это важнейший индикатор степени социально-экономического развития территорий и качества жизни. «В соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения ОПЖ не только выступает измерителем собственно уровня смертности, но и является характеристикой уровня и качества жизни населения, состояния его здоровья» [14, с. 136]. Кроме того, «здоровье и богатство являются важнейшими составляющими благосостояния и обычно (хотя и не всегда) они идут рядом... Для большинства стран пропорциональное увеличение дохода связано с таким же увеличением продолжительности жизни, точно так же, как и с ростом удовлетворенности жизнью» [15, с. 49–50.]. Во-вторых, показатель ОПЖ — это самый распространенный индикатор в стратегических документах России. Он встречается почти в 70 % стратегий. Согласно данным ООН, ОПЖ применяется в 185 странах и регионах мира¹⁰. В-третьих, показатель в силу независимости от состава населения позволяет сравнивать различные территории и в разные моменты времени.

На рис. 2 кругами отмечены субъекты РФ, в стратегиях которых есть целевые значения индикатора ОПЖ. При наличии нескольких сценариев учитывался тот, который считается в тексте стратегии базовым. На горизонтальной оси показано значение продолжительности жизни, которое берется в стратегии за точку отсчета. Чем правее находится регион, тем больше в нем значение ОПЖ на момент разработки стратегии. На вертикальной оси отмечен среднегодовой целевой прирост показателя ОПЖ. Чем выше расположен регион, тем более амбициозны его стратегические устремления в области борьбы со смертностью и повышения качества жизни. Размер кругов пропорционален численности регионов на 2017 г.

Представленная на рис. 2 диаграмма рассеяния показывает, что амбициозность целей стратегий находится в обратной зависимости от начального уровня продолжительности жизни. Иными словами, чем начальный уровень показателя выше, тем меньший среднегодовой прирост предполагают сценарии стратегий (коэффициент линейной корреляции $-0,352$). Нацеленность на решение демографических проблем у отстающих регионов должна со временем сгладить существующую сегодня поляризацию демографического развития.

Среди всех субъектов РФ наименее амбициозные цели у Московской обл., у которой на момент разработки стратегии до 2020 г. показатель ОПЖ составлял всего 65,7 лет. Целевой среднегодовой прирост показателя составил лишь 0,107 лет. Цель этой стратегии уже была перевыполнена. Отметим, что новый проект Стратегии Московской области до 2030 г. более оптимистичен (0,44). На другом

¹⁰ Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. Нью-Йорк и Женева: ООН. 2014. С. 102.

полносе находятся Псковская обл. и Республика Тыва. Их среднегодовой целевой прирост ОПЖ составляет 1,06 и 0,73 лет соответственно. Оба региона являются отстающими по продолжительности жизни. Поэтому им необходимо наращивать значение показателя более чем на 1 % в год. Динамика последних лет показывает, что, вероятнее всего, поставленные цели этими регионами достигнуты не будут.

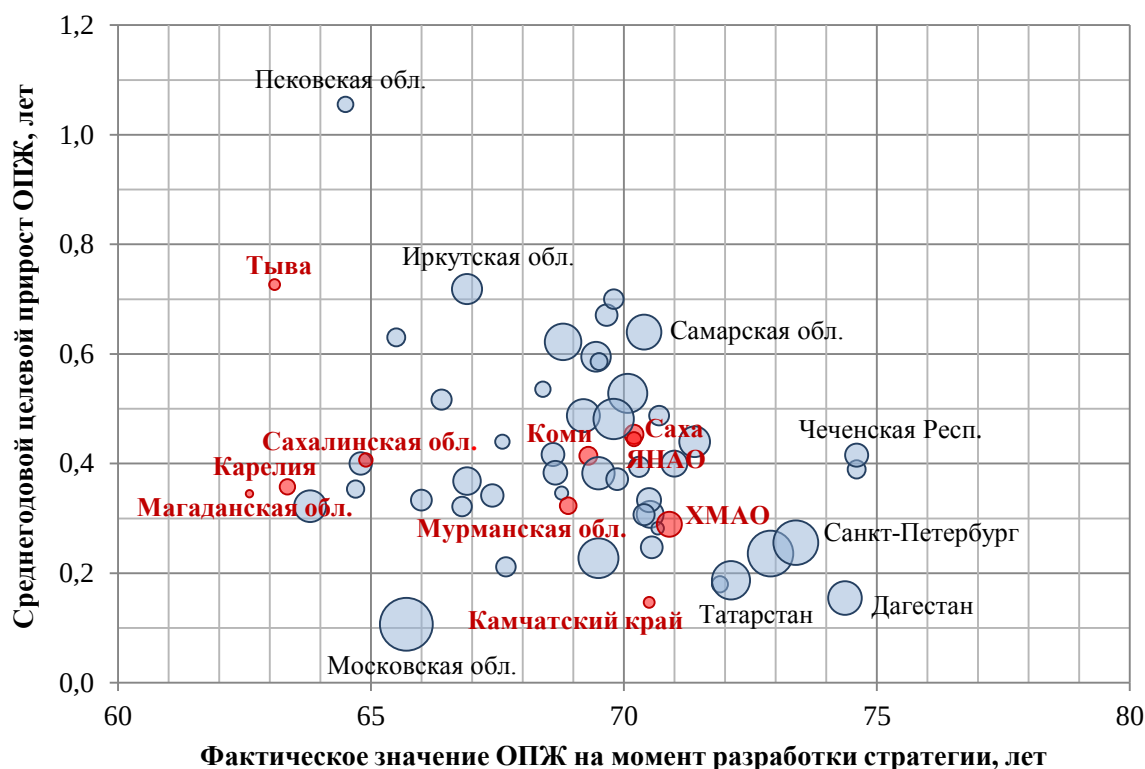

Рис. 2. Общая продолжительность жизни при рождении в стратегиях субъектов РФ.
Составлено по текстам стратегий с официальных сайтов субъектов РФ и ГАИС «Управление».
Регионы Севера выделены красным

Разница в целевом среднегодовом приросте между самой оптимистичной и самой пессимистичной стратегиями составляет около 10 раз. Это говорит о том, что некоторые субъекты ставят невыполнимые задачи, а некоторые, напротив, не стремятся улучшить показатели. Коэффициент вариации показателя среднегодового целевого ОПЖ составил 44 %. Менее половины региональных стратегий рассчитывают повысить среднегодовой прирост индикатора, наблюдаемый статистикой. Это может быть объяснено тем, повышение продолжительности жизни на каждый последующий год требует больших усилий, чем на предыдущий.

Согласно Программе действий, принятой на Международной Каирской конференции по народонаселению и развитию 1994 г., «странам следует стремиться к достижению к 2005 г. показателя ОПЖ при рождении, превышающего 70 лет, и к 2015 г. показателя ОПЖ, превышающего 75 лет». Для стран с наивысшим уровнем смертности установлены целевые значения на 5 лет меньше. Российские стратегические документы федерального уровня ориентируются на это значение, ожидая добиться повышения ОПЖ до 75 лет к 2024–2025 гг. Этот уровень превышает средний вариант прогноза Росстата¹¹ (74,2) и средний вариант прогноза ООН¹² (72,9), но он ниже высокого варианта прогноза Росстата (76,1). Также он почти соответствует динамике за последние пять лет. То есть на уровне Федерации целевые установки осуществимы и в достаточной мере амбициозны.

¹¹ Предположительная численность населения Российской Федерации. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/prognoz35.rar.

¹² World Population Prospects 2017. URL: UN Population Division. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/>.

Более неоднозначная ситуация сложилась на региональном уровне. Сегодня лишь 33 из 56 стратегий субъектов РФ, имеющих индикатор ОПЖ, ставят целью повышение значения до 75 лет и выше. Самые высокие целевые установки у Кабардино-Балкарской Республики (82 года), Чеченской Республики, Курганской и Самарской областей (по 80 лет). В то же время целевые значения Кемеровской и Магаданской областей в 2025 г. не достигают даже 70 лет.

Оценим степень согласованности системы стратегического планирования, сопоставив среднегодовой целевой прирост ОПЖ в стратегиях разных уровней. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России предполагает рост показателя в среднем на 0,411 в год, а указ «О национальных целях...» — 0,757 в год. Среднеарифметическое значение по субъектам РФ составляет 0,407, а средневзвешенное по численности населения регионов 0,384, то есть успешного достижения всех целей на уровне субъектов РФ может не хватить для достижения федеральных целевых установок.

Средневзвешенный прирост ОПЖ северных субъектов РФ составил 0,395 в год. Таким образом, регионы Севера немногим более оптимистичны среднероссийского уровня. Наименьшее значение в Камчатском крае (0,15), наивысшее — в Республике Тыва (0,73). В остальных северных субъектах РФ значение варьируется от 0,32 до 0,45.

Еще более разрознено планирование на уровне федеральных округов. Например, в Северо-Западном федеральном округе среднегодовой целевой прирост ОПЖ составляет 0,556, а средневзвешенный по регионам СЗФО — 0,341. В Южном федеральном округе эти значения составляют 0,645 и 0,260 соответственно. Стратегия Приволжского федерального округа, напротив, менее оптимистична, чем стратегии ее регионов (0,240 и 0,429).

Подводя итог, отметим, что проведенный анализ документов позволил выявить три недостатка сложившейся системы стратегического демографического планирования: использование разных наборов индикаторов, несопоставимость сроков реализации и несогласованность целевых значений индикаторов.

Система демографических индикаторов

Сформулируем перечень критериев, которых необходимо придерживаться при выборе целевых индикаторов и их значений:

1. Целенаправленность — система индикаторов должна быть ориентирована на решение основных задач социально-экономического развития территории.
2. Неизбыточность — не следует применять индикаторы, дублирующие назначение друг друга (принцип У. Оккама).
3. Сопоставимость — предпочтительны те индикаторы, которые позволяют сравнивать значения в динамике и сравнивать различные территории.
4. Непротиворечивость — достижение одних индикаторов не должно противоречить достижению других.
5. Достижимость — принципиальная возможность достижения, исходя из динамики прошлых лет и социально-экономической ситуации. Из нескольких достижимых вариантов следует выбирать наиболее амбициозный.
6. Наличие статистических данных, необходимых для определения базового и целевых значений.
7. Учет российского и международного опыта стратегического планирования.

Применив данные критерии, составим минимальный набор индикаторов для стратегий различных уровней. Среди всех показателей уровня рождаемости наиболее предпочтительным является суммарный коэффициент рождаемости. Он характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующих возрастных уровней рождаемости. Показатель не зависит от возрастного состава населения и уровня смертности, что делает его наиболее точным индикатором рождаемости. По аналогичным соображениям, а также в связи с отмеченной выше важностью показателя, главным индикатором смертности должна стать ОПЖ при рождении, которая равняется среднему числу лет предстоящей жизни рожденного человека при сохранении существующих уровней смертности в каждой возрастной группе. Дополнить группу индикаторов естественного движения населения рекомендуется коэффициентом младенческой смертности (смертность среди детей младше одного года). Данный индикатор кроме того является важнейшей характеристикой развития здравоохранения и уровня жизни населения.

Индикатором миграционных процессов выбран коэффициент миграционного прироста, так как он является относительным показателем, что делает его независимым от будущих изменений численности населения. Кроме того, минимальный набор индикаторов должен включать среднегодовую численности населения территории. Этот показатель во многом является производным от предыдущих, но он позволяет более наглядно продемонстрировать демографические перспективы территории и используется для расчета множества других важных социально-экономических индикаторов.

Полученный минимальный набор включает 5 индикаторов:

- среднегодовая численность населения;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- коэффициент миграционного прироста населения;
- коэффициент младенческой смертности.

Представленный перечень не исчерпывает все демографические показатели, которые могут потребоваться для отражения целей стратегических документов. Поэтому дополнительные индикаторы могут быть добавлены к минимальному набору исходя из остроты отдельных демографических проблем и целей стратегии.

Так, некоторым регионам Крайнего Севера и Арктики может потребоваться индикатор числа кочевых родовых общин коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни¹³. Он позволит учитывать интересы коренных народов при формировании системы расселения, сохранить их традиционный образ жизни и обеспечить этнокультурное развитие. Регионам с высокой неравномерностью демографического развития предлагается применять коэффициент межмуниципальных различий (среднее арифметическое коэффициентов вариации по демографическим показателям).

Северные территории с угрожающим ростом демографической нагрузки могут дополнить список индикаторами возрастного состава населения (доля населения трудоспособного возраста, коэффициенты демографической нагрузки), а территории с высокой смертностью отдельных групп населения — дополнительными показателями смертности (продолжительность жизни по полу и типу поселения, материнская смертность, смертность от внешних причин и различных групп болезней, смертность от дорожно-транспортных происшествий и др.).

Для решения проблемы несогласованности сроков стратегических документов необходимо определять значения целевых индикаторов по всем этапам реализации стратегий, а сроки завершения этапов делать кратными 5 годам: 2020, 2025, 2030, 2035 и т. д.

Методическое обеспечение демографического планирования

Методологической основой стратегического планирования должны стать современные управленческие модели, такие как New Public Management и Good Governance [16], а также модели информационного общества и электронного правительства [17], предоставляющие новые инструменты учета, контроля и прогнозирования выполнения стратегических целей, особенно в социальной сфере. Среди методик индикативного планирования представляют интерес сбалансированная система показателей (англ. — Balanced Scorecard) и ключевые показатели эффективности (англ. — Key Performance Indicators) [18].

К хорошим примерам региональных стратегий можно отнести Стратегию социально-экономического развития Вологодской обл. до 2030 г., в которой главной целью является народосбережение. Принципы проектного и программного управления эффективно применяются в Стратегии социально-экономического развития Ленинградской обл. до 2030 г. (проектная инициатива «Здоровье населения»).

При формулировке целей необходимо руководствоваться принципами устойчивого развития (англ. — Sustainable Development), учитывать взаимовлияние демографических, социально-экономических и экологических процессов. Демографические целевые индикаторы должны быть взаимосвязаны и согласованы не только друг с другом, но и с другими показателями. Такие индикаторы, как площадь жилых помещений на одного жителя или число занятых зависят от демографических показателей. В то же время экологическая емкость территории и мощность социальной инфраструктуры могут ограничивать численность населения.

¹³ Индикатор содержится в Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 г. Документ предусматривает рост значения индикатора со 140 до 151 ед. за 15 лет.

В некоторых региональных стратегиях рассмотрены особенности демографического развития и пространственного размещения населения муниципальных образований с использованием типологизации, картографических материалов (Удмуртская Республика 2025) целевых индикаторов на муниципальном уровне (Томская обл. 2030). Отдельную проблему представляет согласование значений муниципальных и региональных индикаторов. Уже сотни муниципальных образований России активно применяют в практике управления стратегическое планирование [19, с. 237]. На муниципальном уровне почти не используются такие показатели, как ОПЖ и суммарный коэффициент рождаемости. Поэтому создатели муниципальных стратегий должны определить значения общих коэффициентов рождаемости и смертности, соответствующие целевому приросту региональных индикаторов.

Заключение

Предложенный подход позволил оценить степень согласованности и амбициозности целевых установок стратегических документов России. Как было показано, существующая сегодня в России система стратегического демографического планирования имеет ряд недостатков, заключающихся в несогласованности стратегий и целевых индикаторов, отсутствии методологического единства и системности. Для устранения недостатков были предложены рекомендации по разработке и корректировке демографических индикаторов и сценариев стратегических документов. Рассмотрены теоретико-методологические концепции и практики, которые могут быть полезны при разработке стратегий социально-экономического развития территорий Севера.

Литература

1. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.
2. Ускова Т. В., Селименков Р. Ю., Асанович В. Я. Оценка реализации стратегии развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1. С. 30–42.
3. О гармонизации документов государственного стратегического планирования / А. В. Клименко [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 48 с.
4. Климанов В. В., Будаева К. В. Региональные стратегии: анализ итогов 2015 года // Бюджет. 2016. № 7. URL: <http://bujet.ru/article/303678.php> (дата обращения: 01.09.2018).
5. Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня / С. А. Белановский [и др.]. СПб.: Центр стратегических разработок, 2016. 8 с.
6. Su Jung C., Lee G. Goals, Strategic Planning, and Performance in Government Agencies // Public Management Review. 2013. Vol. 15 (6). P. 787–815.
7. Pencheon D. The good indicators guide: Understanding how to use and choose indicators. Coventry, UK: NHS Institute for Innovation and Improvement, 2008. 40 p.
8. Measuring population health: A review of indicators / V. Etches [et al.] // Annual Review of Public Health. 2006. Vol. 27. P. 29–55.
9. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr> (дата обращения: 01.09.2018).
10. Стратегическое планирование в Российской Федерации: состояние методического обеспечения / А. В. Клименко [и др.]. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 60 с.
11. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России / С. М. Заверский [и др.] // Вестник ИЭ РАН. 2016. № 2. С. 22–40.
12. Смирнова О. О. Основы стратегического планирования Российской Федерации. М.: Наука, 2013. 302 с.
13. Демография для практических работников: Методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ, 2014. 254 с.
14. Продолжительность жизни и факторы убыли населения Республики Коми / В. В. Фаузер [и др.] // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУиВИ СыктГУ. 2015. № 3. С. 134–150.
15. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 368 с.
16. Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 45–62.

17. Navarra D. D., Cornford T. The State and Democracy after New Public Management: Exploring Alternative Models of E-Governance // *The Information Society*. 2012. Vol. 28 (1). P. 37–45.
18. Lawrie G., Cobbold I. Third-Generation Balanced Scorecard: Evolution of an effective strategic control tool // *Intern. J. Productivity and Performance Management*. 2004. Vol. 53 (7). P. 611–623.
19. Жихаревич Б. С. Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне // *Регион: экономика и социология*. 2012. № 4 (76). С. 235–256.

References

1. Seliverstov V. *Regionalnoe strategicheskoe planirovanie: ot metodologii k praktike*. [Regional strategic planning: from methodology to practice], Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 2013, 436 p. (In Russ.).
2. Uskova T. V., Selimenkov R. Yu., Asanovich V. Ya. Ocenka realizacii strategii razvitiya regiona [Assessment of the regional development strategy implementation]. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2015. No. 1, pp. 30–42 (In Russ.).
3. Klimenko A. [et al.]. *O garmonizacii dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya* [On the harmonization documents of the state strategic planning]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2015, 48 p. (In Russ.).
4. Klimanov V. V., Budaeva K. V. Regionalnye strategii: analiz itogov 2015 goda [Regional strategies: analysis of the results of 2015]. *Byudzhethet* [Budget], 2016, No. 7. Available at: <http://bujet.ru/article/303678.php> (accessed 01.09.2018) (In Russ.).
5. Belanovskij S. A. [et al.]. *Analiz faktorov realizacii dokumentov strategicheskogo planirovaniya verhnego urovnya* [Analysis of the factors of implementation of top-level strategic planning documents], St. Petersburg, Centr strategicheskikh razrabotok, 2016, 208 p. (In Russ.).
6. Su Jung C., Lee G. Goals, Strategic Planning, and Performance in Government Agencies. *Public Management Review*, 2013, vol. 15 (6), pp. 787–815.
7. Pencheon D. *The good indicators guide: Understanding how to use and choose indicators*. Coventry, UK, NHS Institute for Innovation and Improvement, 2008, 40 p.
8. Etches V., Frank J., Di Ruggiero E., Manuel, D. Measuring population health: A review of indicators. *Annual Review of Public Health*, 2006, vol. 27, pp. 29–55.
9. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J-P. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*, 2009. Available at: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr> (accessed 01.09.2018).
10. Klimenko A. [et al.]. *Strategicheskoe planirovanie v Rossijskoj Federacii: sostoyanie metodicheskogo obespecheniya* [Strategic planning in the Russian Federation: the state of methodological support]. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2016, 60 p. (In Russ.).
11. Zaverskij S. M. Strategicheskoe planirovanie razvitiya ehkonomiki: mirovoj opyt i vyvody dlya Rossii [Strategic planning of economic development: international experience and applications for Russia]. *Vestnik IE RAN* [Herald of the Institute of Economics of RAS], 2016, No. 2, pp. 22–40. (In Russ.).
12. Smirnova O. O. *Osnovy strategicheskogo planirovaniya Rossijskoj Federacii* [Fundamentals of Strategic Planning of the Russian Federation], Moscow, Nauka, 2013, 302 p. (In Russ.).
13. Rybakovskij L. L. [et al.]. *Demografiya dlya prakticheskikh rabotnikov: Metodicheskie rekomendacii dlya specialistov organov ispolnitelnoj vlasti subektov Rossijskoj Federacii* [Demographics for practitioners: methodological recommendations for specialists of the executive bodies of the subjects of the Russian Federation], Moscow, Econ-inform, 2014, 254 p. (In Russ.).
14. Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N., Matlah I. A. Prodolzhitel'nost' zhizni i faktory ubyli naseleniya Respubliki Komi [Life expectancy and factors of population decline in the Komi Republic]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Severa* [Corporate Governance and innovative economic development of the North], 2015, No. 3, pp. 134–150 (In Russ.).
15. Diton A. *Velikij pobeg: Zdorove, bogatstvo i istoki neravenstva* [The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality], Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 2016, 368 p. (In Russ.).
16. Krasilnikov D. G., Svinceva O. V., Troickaya E. A. Sovremennye zapadnye upravlencheskie modeli: sintez New Public Management i Good Governance [Modern Western management models: the synthesis of New Public Management and Good Governance] *Ars Administrandi*, 2014, No. 2, pp. 45–62 (In Russ.).
17. Navarra D. D., Cornford T. The State and Democracy After New Public Management: Exploring Alternative Models of E-Governance. *The Information Society*. 2012, vol. 28 (1), pp. 37–45.

18. Lawrie G., Cobbold I. Third-Generation Balanced Scorecard: Evolution of an effective strategic control tool. *International Journal of Productivity and Performance Management*, 2004, vol. 53 (7), pp. 611–623.
19. Zhiharevich B. S. Podhod k izucheniyu ehffektivnosti strategicheskogo planirovaniya na municipalnom urovne [An approach to assessing efficiency of strategic planning at the municipal level]. *Region: ehkonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology], 2012, No. 4 (76), pp. 235–256 (In Russ.).

DOI 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.35-54
УДК 338.2 (985)

АРКТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА: ПЛОХ НЕ МЕТР — ЯВЛЕНИЕ ДРУГОЕ¹⁴

А. Н. Пилясов

генеральный директор АНО «Институт регионального консалтинга», профессор МГУ, г. Москва

Аннотация. До настоящего времени не состоялось признание арктической диагностики как абсолютно особого направления регионального социально-экономического анализа, радикально отличающегося от обычной региональной диагностики. Автор поставил задачу обосновать необходимость выделения арктической диагностики в «отдельное производство», что базируется на общей концепции арктической исключительности, представленной им ранее в серии опубликованных статей.

Арктическая диагностика имеет дело: 1) с очень специфичным феноменом арктической системы, которую отличают малый размер, экстремальные условия функционирования, абсолютная нестационарность, быстрые и неожиданные социальные и экономические изменения, тенденции к монополизации; 2) с особыми арктическими сообществами с присущими им ценностями кооперативности, внесемейной социализации, мобильности, профессионально интересной работы, качественного образования и гарантированного интернет-доступа (информатизации). Показатели диагностики должны максимально учитывать, схватывать эти особенности арктических систем и сообществ. Они должны удовлетворять требованиям доступности, малозатратности для сбора, легкости осуществления измерений, надежности, масштабируемости, «включенности», полифункциональности и комплексности.

Яркая особенность арктической диагностики — опора на экспедиционные методы наблюдений. Прогресс тотальной интернетизации ни в коей мере не уменьшил значение традиционных методов непосредственного натурного наблюдения, мониторинга явлений в Арктике.

Огромную, определяющую роль в арктической диагностике играет творческая свертка, агрегация исходных низовых показателей, относящихся к уровню домохозяйства или поселения в конкретный момент времени, в новую пространственно-временную целостность. Природно-ресурсное районирование и ресурсный (фронтирный) цикл должны стать основными формами пространственно-временной свертки при анализе различных феноменов арктической диагностики.

Каждая страна накопила свой опыт арктической диагностики, проистекающий из ее собственной истории освоения этих территорий, приоритетного именно для ее уровня социально-экономического мониторинга (домохозяйство, община/коммуна, регион), традиций отношений к коренным малочисленным народам Севера. Необходимо использовать эти наработанные передовые практики для совершенствования отечественной системы арктической диагностики.

Ключевые слова: арктическая диагностика, арктическая система, ценности арктических сообществ, природно-ресурсный район, ресурсный (фронтирный) цикл.

ARCTIC DIAGNOSTICS: BAD IS NOT A METER — THIS IS ANOTHER PHENOMENON

A. N. Pilyasov

General Director of ANO “Institute of Regional Consulting”, Professor, Moscow State University, Moscow

Abstract. So far, the recognition of Arctic diagnostics as an absolutely special area of regional socio-economic analysis, radically different from the usual regional diagnostics, has not taken place. The author posed the problem of justifying the need to isolate Arctic diagnostics into "separate production", which is based on the general concept of Arctic exceptionalism presented by him earlier in a series of published articles. Arctic diagnostics deals 1) with a very specific phenomenon of the Arctic system, which is distinguished by a small size, extreme conditions of functioning,

¹⁴ Благодарю моего соратника в исследованиях Севера и Арктики к. г. н. Н. Ю. Замятину за творческие дискуссии, в которых оттачивались идеи этой работы.